

Валерий ШЕЛЕГОВ

ЗЕМЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2025

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
Ш42

Серия основана в 2024 году

Шелегов, В. Н.

Ш42 Земля влюбленных : роман / Валерий Шелегов. — Минск : Четыре четверти, 2025. — 192 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-731-5.

Любовь может настичь любого человека внезапно. Вне зависимости от возраста, здоровья, места жительства, неожиданно врываясь в его жизнь, она вносит сумятицу, рушит планы — меняет судьбу.

«Земля влюбленных» — современный роман о настоящих чувствах, жертвенной дружбе. И главный герой геолог, и другие родившиеся под пером автора герои, — среди которых любимые его женщины Эрика, Наталья, прокаленные морозами кочевники, — романтики. Они умеют любить, верить и ждать, ведь Север не замораживает чувства. Вместе с ними мы совершим увлекательное путешествие: поднимемся на Ольчанский перевал, увидим Мыс Шмидта, переживем зимовку на Колыме и Чукотке, разобьем палатки на берегах Индигирки, услышим дыхание Северного Ледовитого океана и даже долетим до полюса холода — Оймякона. От прочитанного надолго останется яркое послевкусие.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-731-5

© Шелегов В. Н., 2025
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2025

Часть 1

Страна Мамонтея

Чузунок парной картошки

— Мамка, отпусти! — прошусь в центр города.

Отец купил мне фотоаппарат «Смена-8». Учусь в третьем классе. Начались каникулы на ноябрьские праздники. На центральной площади 7 Ноября общегородская демонстрация в честь Великой Октябрьской социалистической революции. Революция произошла в 1917 году в Петрограде. Теперь это Ленинград. Далек он от нашего сибирского города. Ленинград сейчас зовется «колыбелью Революции». Народу со всего Канска тьма стекается в праздники на центральную площадь. Там же Свято-Троицкий собор, в котором меня крестили десять лет назад. Знаю я все это от мамки. Отца редко вижу дома, работает грузчиком на Мелькомбинате.

Наша шестая восьмилетняя школа тоже ежегодно шумит и поет на центральной площади города, нарядная шарами и красными флагами над колонной, 1 Мая и в День Победы, 7 Ноября. Школ в городе много. Предприятия выводят своих тружеников. Перед площадью — трибуна из красного кирпича, микрофоны. Там всегда не протолкнуться от руководителей горсовета, райкомовских секретарей. По решению этих людей, с недавних пор Свято-Троицкий собор превращен в городской драматический театр. Броневик у театра имеется настоящий. Ленина актер натурально изображает. И едет этот броневик с Лениным по периметру площади. Под фонограмму ленинской речи актер жестикулирует перед массаами. Третьеклассников на демонстрацию нынче не взяли. Морозы в ноябре навалились. А мне очень хотелось сфотографировать Ленина на броневике. Но мамка уперлась, не пускает на улку.

— Ага, — канючу я. — Чистить в хлеву у коровы глызы не холодно? А как в город сбегать, так неззя...

Живем на окраине. В нашем квартале только две семьи коров держат. Мы и Чирки, которые через дорогу напротив живут. Летом большое частное стадо собирается на заливных лугах за Военным городком, где пасет коров и коз нанятый людьми пастух. Отец каждое лето берет отпуск и уезжает косить сено к себе в деревню Егоровку. Это за Абаном, дорога на Почет. На Покров отец привозит сено, но я радуюсь больше деревянному бочонку соленых груздей. На уроках классная подробно расспрашивала о наших родителях. Я рассказал о корове, о сенокосе в тайге, откуда отец и грузди всегда привозит. Валентину Константиновну Чухломину мы любили, как родную сестру. Мы у нее первый класс после Канского педучилища. Восемнадцать лет. Худенькая, маленькая, ее можно было бы и не отличить от нас, школьников. Но огромные глаза, иссиня подведенные под веками от бессонных ночей, выдавали в ней молодую мать. Ребенку еще и года нет. Снимают они с мужем домик возле стадиона «Спартак». Мамка моя полюбила Валентину Константиновну. Любил классную нашу и я. Любил по-детски, как родную тетку, как сестру мамину Машу из Игарки. Рассказывая об отце, неожиданно пообещал:

— Отец привезет сено. Угощу вас груздями.

Знакомство и рассказ о груздях были в первом классе. Уже третий год учусь у Валентины Константиновны. Обещание довелось выполнить только этим сентябрем. Отец привез сено и бочонок груздей на лесовозе ночью в субботу. Утром я аккуратно уложил в трехлитровую банку красавцев лесных, груздь к груздю. Мамка знала о моем обещании Валентине Константиновне, ведь именно она приучила меня с детства держать слово.

— Сказал — держи слово. Наш отец никогда не обманет, если пообещает, — подчеркивала мамка надежность отца.

Разрешил и отец взять мопед «Рига-2». Поехал я к стадиону «Спартак». Подобного потрясения детского я больше не испытывал. На месте домика, где жила Валентина Константиновна с мужем, остались одни развалины. И где теперь она живет, не знал. Я прислонил мопед к столбику палисадника из беленого известью штакетника. Стал бродить среди руин. На глаза попалась фотография мужчины. Я ни

разу не видел мужа Валентины Константиновны. На обороте фотографии была надпись фиолетовым карандашом:

В тумане жизненных исканий,
Порой, наедине мечтаний,
Быть может, вспомнишь обо мне?

Домой вернулся с грибами. Мамке рассказал о своем горе.

— Не переживай, сынок. Отнесу я грузди Валентине Константиновне, раз ты обещал, — утешила мамка.

В школе подошел на перемене к Валентине Константиновне, передал забытое на развалинах фото.

— Ты там был? Зачем? — удивилась она.

Ночью сено виделось огромным зародом на площадке лесовоза. Я и мамка всю ночь помогали отцу переносить его на сеновал и в огород. Лесовоз тоже с нашей улицы. Рядом с Чирками дядя Юра Коростелев живет. Работает на лесовозе в «Канском леспромпхозе». Прошлым летом брал меня в рейс в тайгу за лесом. Старый ЗИЛ с округлыми крыльями манил меня постоянно. Притягивал магнитом, когда лесовоз стоял с прицепом на площадке перед воротами коростелевского двора. Дядя Юра не жалел кабину, не запрещал покрутить руль. Сын у него Толька еще сопливый, обижает его ребяшня нашего квартала, я защищаю Тольку. «Как тебя звать», — спросишь Тольку. «Ко-о-о», — протяжно, заикаясь, отвечает. Хоть и не заика он. Шпыняют Тольку братья Анисимовы. Борька Анисимов мой ровесник, дружим, а братья его — Вовка с Саней — уже приблатненные. Но братишку своего меньшего слушают. Я прошу Борьку, чтобы не трогали Тольку, когда играем в «чику» на солнце перед воротами Анисимовых. Толька от меня не отстает, когда я на улице, путается под ногами. Борька просит брата Вовку: «Оставь соплю». Коростелев Толька был еще подростком. До учебы в Школе милиции звали его не иначе как «Ко-о». Дядя Юра знает о моей опеке над его сынишкой, меня добрым словом привечает. Поехал с ним в рейс. Дожди лили неделю. В Дзержинске лесовоз загрузили бревнами с горкой. На ровном месте кряхтит старый ЗИЛ, а грязь — заехали по ступицу, поползли как черепаха. Улица

Красной Армии тянется вдоль военного городка далеко за город. В дожди по ней только лесовозами и ездить. Выпил дядя Юра крепко в дороге, несколько раз останавливались на тракте. На подъезде к улице Красной Армии и вовсе заснул за рулем. До наших домов на улице Лазо пять кварталов. Я уже умел включать и выключать первую скорость в машине. ЗИЛ остановился, дядя Юра сонно выключил передачу, спросил меня: «Доедешь до дома?»

За кабиной ночь. В свете фар впереди видна одна глубокая грязная колея от грузовиков. Сполз дядя Юра на пассажирское сиденье, я перебрался за руль. До педалей уже доставал носочками. Выжал педаль сцепления, включил рычагом первую передачу. Как и учил дядя Юра, медленно отжал педаль сцепления. Придавил носочком педаль газа. Тронулся лесовоз послушно, забилося мое сердечко! Сам! Да так загромыхало от восторга и радости, что перестал я слышать рев двигателя. А лесовоз метр за метром выбирался по намятой в грязи колее. «Гидравлики» на старых ЗИЛах не было. Руль вырывался из рук на каждой кочке. Но я цепко держался ручонками за баранку. И бросало меня вместе с ней из стороны в сторону. Дядя Юра спал. Я вел машину и не заметил, как впереди в свете фар показались ворота коростелевского двора. Успел и затормозить! Заглох мотор. Дядя Юра остался в кабине. Тетка Вера — вредная хохлушка, в дом мужика не пускала пьяного. И часто дядя Юра досыпал ночь в кабине. А утром полз к ногам жены. Удивительно мирный мужик, добрейшей души человек.

Мамка у меня строгая. Боюсь ее пуще огня. Слушаюсь. Росточком она отцу и подмышек не достает. С Валентиной Константиновой они и статью, и ликами похожи. В рейс отпрашивался у отца. Мама ему не перечит. Вот и на демонстрацию прошусь, мамка уперлась. Рано еще за окном, отец спит в спальне. Пришел с работы поздно, калымил на разгрузке угля на железнодорожной станции. Жили мы хорошо. Мамка держала огород, от скотины собирался навоз на парники; ранние огурцы отец любил. Вырос отец в тайге, где огурцы и не знали, как выращивать. Молоко и сметана от домашней коровы, мамка и масло из сметаны сбивала в деревянной маслобойке. Отца кормить надо, работа грузчиком тяжелая. Отец любил меня, но виду не подавал, всегда был сердит, как его отец, мой дед Василий Павлович Шелях. Любил отец свою семью, работал

не покладая рук и слово свое всегда держал. Подростковый велосипед «Орленок» у меня единственного в нашем квартале, теперь вот и фотоаппарат отец купил. Есть и фотоувеличитель, все химикаты для проявки пленки. Прошлую зиму я ходил на соседнюю улицу к Журавлям. Сын Журавлей Володя работает в городе мастером в фотоателье. Мои родители дружат с Журавлями. Володя научил меня обращаться с фотоаппаратом, заряжать и проявлять пленку, делать фотографии. Пошел я будить отца. Он у меня «косоватый» на левый глаз, от рождения такой. Но я этого не замечал.

— Тоня, — позвал отец маму из спальни. — Одень тепло парня, пусть идет фотографировать.

Зима шестьдесят третьего года. У меня синяя китайская шубейка с капюшоном на кроличьем меху. Мамка купила ее давно, до войны с китайцами на острове Даманском. Покупала загодя, на вырост, мне для школы. Шубейка висела в шифоньере, пересыпанная табаком от моли. Одеда меня мамка в эту шубейку впервые. Моя любимая одежда — черная телогрейка. Я любил фуфайку за мягкое и уютное тепло. Но на праздник в телогрейке идти грех, когда есть добрая одежда. Черные валенки, отцом подшитые. Шарф шерстяной, вязаный мамкой из красно-сине-зеленой пряжи, шапка цигейковая. Фотоаппарат можно держать в тепле на груди. Как я любил в этот час родителей! Отец всегда говорил со мной как с ровней, особенно, когда я ездил с ним рыбачить с ночевкой на Терскую протоку. Купил себе мопед «Рига-2». Разрешал мне на мопеде кататься, он на работу ездил на нем. Мелькомбинат далеко, в зарельсовой стороне околоток, автобусы туда не ходят. Там и кондитерская фабрика. Одно время отец работал на этой фабрике грузчиком. Толька Коростелев вечно у нас пасется. Тетка Вера работает швеей, вот мальчишка и дневалит у нас, кормится воробьем. Конфетами я одаривал и братьев Анисимовых. Старшие братья работали на Канской «ликерке», воровали водку. Чирки оседлали мясокомбинат, можно было у них обменять сметану на колбасу, а колбасу на водку у Анисимовых. «Коммерция» в нашем квартале процветала. А недавно поселилась семья из Украины. Вдовиченко. Дядя Петя с рыжими усами стрелкой, в фуражке с черным околышем артиллериста, в армейском галифе. Тетя Лиза стала брать у нас молоко. Трое детей в семье Вдовиченко. Сережка

на пару годков старше меня, а Муха в параллельном классе теперь учится. Самый маленький у них годовалый Женька, пока дальше ограды его тетка Лиза не выпускает. Ребятни в нашем квартале так много, что никогда не скучно на улице, снежные горки строим. Летом в лапту режемся на пустыре — в заливных лугах, на солнечных зеленых полянах, которые раскинулись до самого Кана, — недалеко от стрельбища Военного городка.

Отец любит париться в городской бане. С пяти лет берет меня с собой. В нашей ограде есть маленькая банька для мамки, она там стирает, моется с моей старшей сестрой Людкой. Но главная у бани задача — это варить на плите для скота картошку в чугуне. Мамка варит картошку свиньям, в бане запаривает горячей водой из чугунного котла лузгу в ведрах с комбикормом, готовит пойло для коровы теплое. У Коростелевых бани нет, тетка Вера у нас в бане полощется, моет вечно чумазого Тольку. Дядя Юра не парится. У Коростелевых времянка теплая и зимой, круглый год хозяева там толкуются, в дом только ночевать ходят. Во времянке тетка Вера и моет дядю Юру. И выругает его там, и приласкает — хитрая лиса.

Гуляют на праздники наши родители вместе. Столы любит накрывать у себя тетка Вера. Изба у них высокая, горница просторная, зал светлый. Пьют гости, бабы поют. Мужики неразговорчивые. Меня не гнали от стола, люблюсь отцом в нарядной рубашке. Мамкой в малиновом шелковом платье, черные лаковые туфельки на каблучках. Локоны школьной ручкой завьет от виска.

— Моя королева, — хмыкнет одобрительно отец. Любил он маму.

За работой отца редко вижу дома. Мамка даже надоедает, уроки гонит делать. А отец добрый молчун.

В школу на сбор я опоздал. Наши учителя уже увели колонну в город. На площади не стал искать свою школу. Демонстранты стоят долго, каждый ждет своего часа пройти перед трибуной, мерзнут, приплясывают, потирая руки и уши. А на трибуне громы раздаются, в микрофоне рев голосов стоит на всю площадь. Ревут, а не говорят по очереди начальники большие и не очень. После праздных речей медленно катится вокруг площади зеленый броневик с «Лениным» на башне. В центре площади обелиск вождю. Актера на броневике мы, дети, слушали с разинутыми ртами. Толпы

праздного народа оживали, приходили в волнение. Школьники замерзали, в колонне носами швыркали. Уже и домой скорее хочется.

Простыл я. Китайская шубейка на кроличьем меху не годится для двадцатиградусного мороза. Пронизал меня холод насквозь. К вечеру поднялся кашель. У мамки градусник, смерила, нет у меня температуры. Еще не вечер. В бане в чугуне только что сварилась картошка в кожуре. В этот год взрослые и не гуляли 7 Ноября почему-то. Каждый сам по себе отметил годовщину Великого Октября.

Мамка пощупала лоб. Температуры нет, а в груди хрип. И кашель забивает до свиста в горле. Мамка моя деревенская. Девчонкой войну выдюжила без болезней, босиком ей приходилось боронить поля. Обувка в хлам быстро рвалась на полевых работах. От хвори и простуды знает, как лечить. Сняла мамка пододеяльник с ватного одеяла. Отец дома был, принес из бани чугунок с парящей жаром картошкой в кожуре. Воду из чугунка слил. Жаром духовитым дышит разваренная картошка. Когда остывает, мамка толчет ее колотушкой и добавляет в комбикорм свиньям. У нас два кабанчика постоянно в свинарнике растут. Одного держат на мясо питаться отцу, работа тяжелая — кормить сытно надо. Второго кабана перед ноябрьскими праздниками продали на базаре. Купили Людке пальто. Сестра старше меня на четыре года. Растет быстро. Это не я, облачился в телогрейку да побежал в школу. Стыдно родителям дочь в школу неряхой отправлять. Платье школьное коричневое, белый фартук. Сестра уже комсомолка. Алый комсомольский значок на белом нагруднике белоснежного фартука делает ее красавицей. Я завидую сестре. Хожу в октябрятах. В четвертом классе в пионеры примут. А в седьмом, как сестра, комсомольцем буду.

Чугунок с вареной картошкой в кожуре отец поставил на пол возле кухонного окна в огород. Мамка раздела меня, накрылась ватным одеялом вместе со мной над чугунком с картошкой. Отец подоткнул одеяло. Силком наклонила мою голову к чугунку.

— Дыши! — потребовала она.

От первого вдоха парной картошкой я задохнулся. Зашелся в кашле до слез. Отпрянул от чугунка. Мамка ждала, знала по своему опыту, что так будет. Силой удержала меня.

— Не ошпаришься. Глубоко дыши!

Валерий Николаевич Шелегов — прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького. Член Союза писателей СССР.

Родился в городе Канске. Учился в Томском геологоразведочном техникуме. В 1972-м уехал работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. В 1996 г. вернулся на родину в Канск. Первый рассказ «Санька — добрая душа» был опубликован в 1984 г. в журнале «Дальний Восток».

Автор книг: «Ленские подснежники», «Зеленый иней», «Пока горит костер Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» в 2008 г. отмечена Союзом писателей России национальной премией «Имперская культура» имени Э. Володина.

Оглавление

Часть 1. Страна Мамонтея	3
Чугунок парной картошки	3
Огурцы — народ капризный	10
Повесть для влюбленных	18
Правила спасения от любви	18
Ромка	19
Таня	23
Нина	25
Медвежья желчь	29
Осень на Агане	37
Часть 2. Зеленый иней	43
Заполярье	43
Взрослые отношения	56
Зеленый иней	64
Печка гудела на мороз	68
Велосипед для мальчика Ромки	72
Прощание с Арктикой	86
Часть 3. Оймяконский меридиан	92
Перевал	92
С возвращением, любимый	98
Чашка жирных щей	111
Соболюха	118
Северное сияние	121

Брытков	127
Оймяконский меридиан	132
Часть 4. Охотовед Оймякона	137
Кузница	137
Котлован	147
Жизнь — бессмертный день	151
Часть 5. Учитель Литературного института	162
Часть 6. В Овсянке на Енисее	180
Занятие литературой	180
Неизвестная «Затесь» Астафьева	187
<i>Об авторе</i>	189